

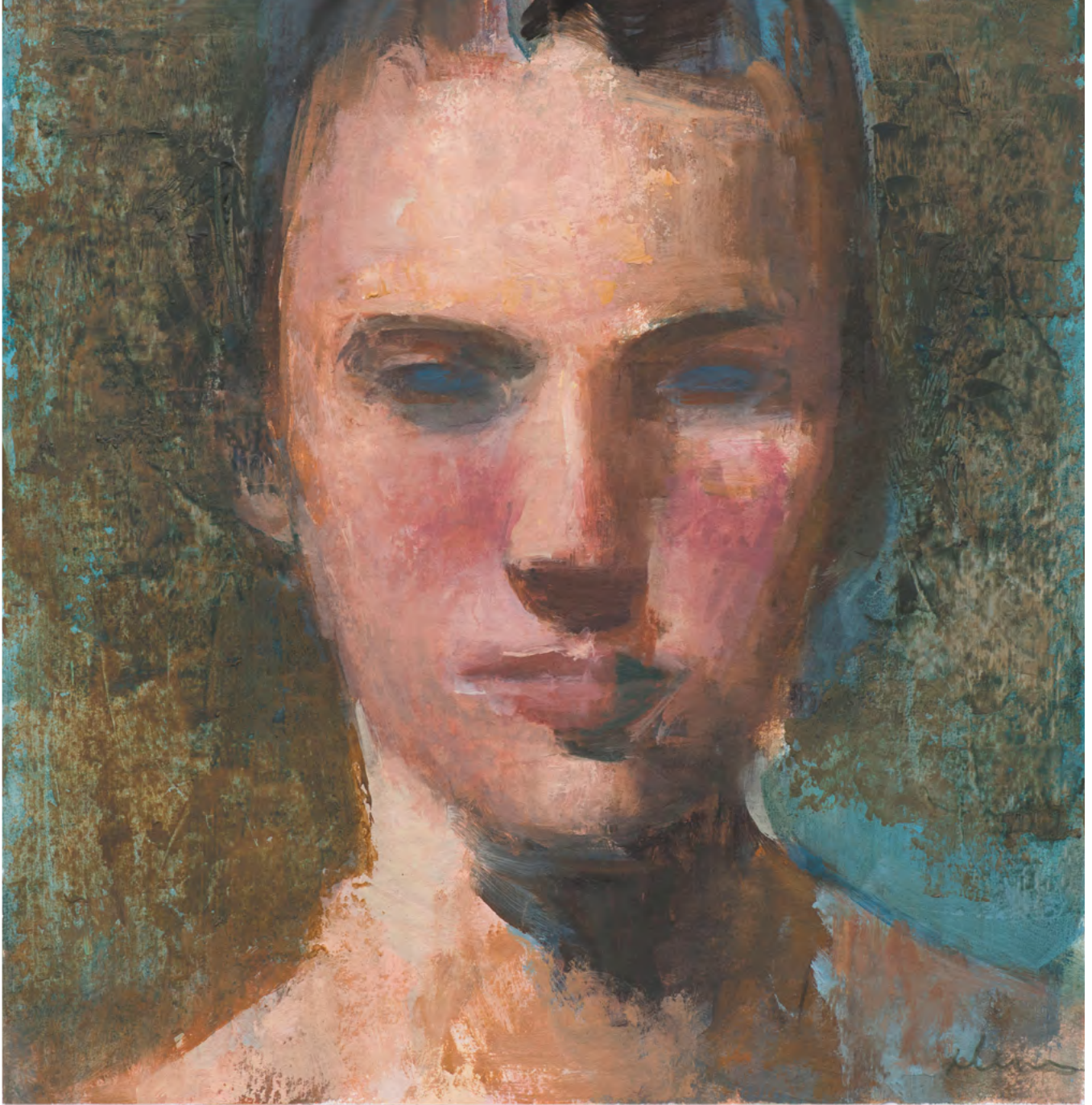
cover **etude (vert)** 14x14 inches oil on panel 2017 www.zolotnitsky.com #elenazolotnitsky

elena zolotnitsky

«**extinct series**»

oil painting 2016–2018

golden mean 12x12 inches oil on paper 2016

conversation in the interior

What do we know about the chair, besides
what was said in the heat of polemics?
That with all four it stands –
just like your table – on the floor?
But the table is a horizontal plane that cuts your chest,
While your chair's strength is verticality.

Joseph Brodsky *Dedication to the Chair* 1987

I asked Elena Zolotnitsky what does she call images of people she creates. The Oakland artist pondered for a moment and replied: «Here they are called «portraits», and I specify: «imaginary portraits», but sometimes I say simply: «paintings». Modestly say «portraits»? No frills – «painting»? No! To address them so means to impoverish! Calling them just portraits would deprive them of their richness and rob them of their meaning...

Look closely. Neck and head, frontal plane, soft edges, eyes, in most cases, are “blind”... Yet in the Dorian Gray series, the eyes are not only open, but beaming, bursting beyond the painted space, cutting instantly the distance to the viewer – penetrating, fascinating glance!

разговор в интерьере

«Что знаем мы о стуле, кроме, того,
что было сказано в пылу полемики? –
что всеми четырьмя стоит он, точно стол ваш, на полу?
Но стол есть плоскость, режущая грудь.
А стул ваш вертикальностью берёт».

Иосиф Бродский «Посвящение стулу» 1987

Я спросил Елену Золотницкую, как она называет образы людей, которые создает. Оклендская художница на минуту задумалась и ответила: «Здесь их все называют “portraits”, а я уточняю: “imaginary portraits”, но иногда говорю просто: “paintings”». Скромно произнести «портреты»? Без излишеств – «живопись»? Нет! Обращаться к ним так, значит, обеднять, грабить!

Шея и голова, фронтальная плоскость, нечеткие контуры, глаза, в большинстве случаев, «слепые», но в серии работ о Дориане Грее, не просто открытые, а вырывающиеся за пределы живописного полотна, молниеносно преодолевающие расстояние до зрителя, проникающие, захватывающие взгляд!

Personae? Subjects? Heads? Busts? Faces? Saints? No! Most definitely – «Idols»! The sacred sculptures Moai from the Easter Island, who lost their cylinder shaped hats «pukao» made of basalt pumice of Puna Pao volcano...and pedestals on which they once sat.

But for Elena Zolotnitsky a Pedestal, any Seat – a chair, stool, armchair, throne, holy seat – is not just furniture. "A Chair" is an «Idol», equal to the sign of Man!

There are earlier works by Elena Zolotnitsky where both symbols were present together on one canvas. *In Love Letter to Vermeer* and *Goldfinch* the Seat has not yet separated, disconnected with living creatures – the allusive prototypes of *Girl Reading the Letter* by Vermeer and *Goldfinch* by Fabricius. However in Elena Zolotnitsky's paintings for quite a while these two kinds of symbols – heads and chairs – have been living independently from each other's life, though in galleries one can see them hanging on the walls next to each other and seemingly communicating.

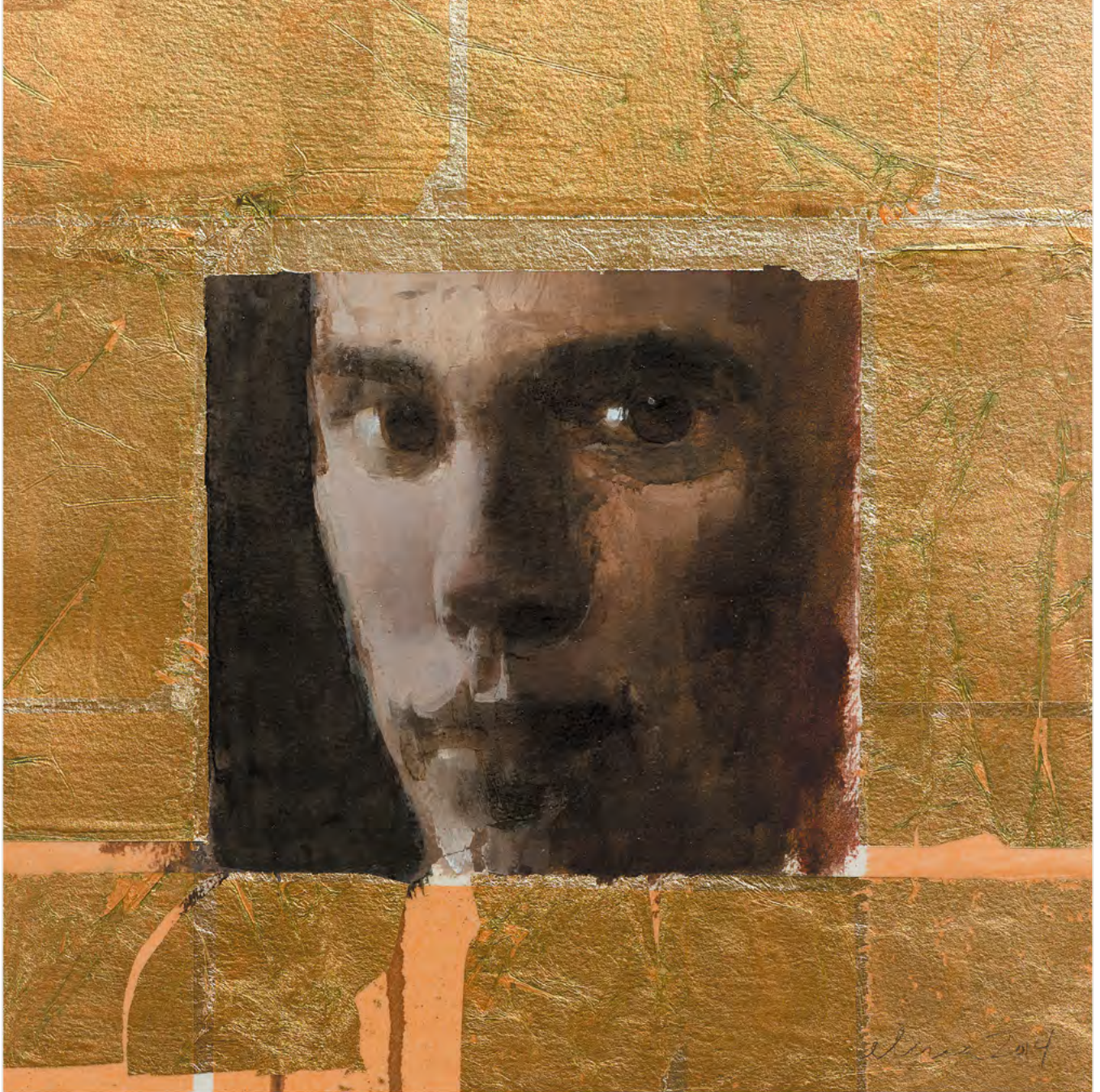
The artistic mind always has been intrigued by the theme of the seating place. Through history of art stools, chairs, and armchairs were endlessly depicted in multiple ways. It was Cornelis Dusart, a painter of Dutch School, who mastered the chair in 17th century; Francisco Goya did it in the 18th; and Salvador Dali – in the 20th century. Rocking chair, wheel chair, dental chair, electric chair, toilet bowl have been floating in artistic fantasies transforming themselves unrecognizably. Chairs' back could become a human body or arm, beautiful butterfly, or even woman's knee-high boot on heel; arm-rests could take shape and look of human arms. A chair could grow horns, become a spoon or a fork; a broken chair could be painted as "one-eyed and limping", or a number of them could form a tower...

«Персоны»? «Субъекты»? «Головы»? «Бюсты»? «Лики»? «Парсуны»? Нет! Наиболее точно – «Идолы»! Священные скульптуры Моаи с Острова Пасхи, потерявшие с голов круглые цилиндры «пукао» из базальтовой пемзы вулкана Пуна Пао, лишившиеся пьедесталов, на которых когда-то восседали.

Но для Золотницкой Пьедестал, Сидение – седалище, престол, трон, табурет, стул, кресло – не просто мебель, «Chair» – это тоже «Идол», равный знаку Человека!

Когда-то художница изображала оба символа на одном полотне. В ее работах «Love Letter to Vermeer» и «Goldfinch» Сидение еще не разлучилось, не разъединилось с живыми существами – аллегорическими «Девушкой, читающей письмо» Вермеера и «Щеглом» Фабрициуса. Однако вот уже продолжительное время «головы» и «кресла» живут у Золотницкой самостоятельной жизнью, хотя в залах галереи не разлучаются, всегда соседствуют.

Живописцы издавна обращаются к теме «стула-табурета-кресла», ими придумано бесконечное количество изображений. Стул запечатлел в XVII веке живописец голландской школы Корнелис Дюсарт, Франсиско Гойя – в XVIII, а Сальвадор Дали – в XX. Кресло-качалка, инвалидное, стоматологическое, электрический стул, унитаз... В фантазиях художника спинкой стула нередко становилось туловище человека или рука, красивая бабочка и даже высокие женские сапоги на каблуке, а подлокотники кресла или стула принимали форму рук. Стул рогатый, в форме вилки и ложки, сломанный стул – «одноглазый и хромой», башня из стульев...

dorian gray 15x15 inches oil & gold leaf on paper 2014

Creative imagination easily reconfigures chairs and armchairs, playing freely and enthusiastically with their form. Edward Munch and Borisov-Musatov glorified the rockers, Gudon – Voltaire’s Chair; Klimt, Renoir, Boldini praised the Viennese Chair; Andy Warhol – an electric chair and Picasso seated his model in a “floppy-ears armchair”. Dali’s sofa is shaped like lips of May West, American actress who became a scandalous diva of the 1930s. Jones’ chair is the female body itself.

Is the chair an object or a subject? Is it a personalized or depersonalized piece of furniture? What is a human being for the chair’s “mind”? René Magritte painted a chair with a brass tuba and antique female torso in his *Menacing Weather*. It is full of harmony and on the background there is the sea shore, a symbolic representation of eternity. By contrast, Francis Bacon’s armchairs exclude any kind of harmony – they always look like cannibals. The characters from the pop art masterpiece by Allen Jones *Man Woman* on the contrary “absorbed” their chairs and are simply floating in space.

Ionesco, the author of a tragicomedy *Chairs*, wrote “a chair is what is left of a man after he has stepped out of the room for a minute. A chair still keeps his warmth, follows all emotional contours of his body... but it is nothing without a man”. Vincent van Gogh gave us two monuments: Gauguin’s armchair and his own chair, both with pipes. His chair looks like it’s made of inexpensive wood; his pipe and pouch of tobacco are laying on it. Its modesty contrasts with Gauguin’s armchair made with a sophisticated artistry, with a candle and book on it.

The satin-scarlet sofa by Dali speaks of emancipation and sexual liberation; Rick Nilsson’s *Red Chair* is about spiritual crisis, anxiety, the end-of-life experiences. Robert Falk’s canvas of 1920 convey the fears

Воображение творца легко изменяет конфигурацию стула-кресла, с увлечением воспекает форму. Эдвард Мунк и Борисов-Мусатов прославили кресло-качалку, Гудон – «Вольтеровское кресло», Климт, Ренуар, Болдини – венский стул, Пикассо усадил модель в «ушастое кресло», а Жан-Мишель Баския – на электрический стул. Софа Дали копирует форму губ скандальной дивы 1930-х годов, американской актрисы Мэй Вест, а кресло Джонса – само представляет женское тело.

Кресло – субъект или объект? Обезличенная мебель? Что для него Человек?

На картине «Угрожающая погода» Рене Магритта стул изображен с духовой трубой и торсом античной женской фигуры. Полная гармония на фоне морского побережья, символа вечности. Однако кресла Френсиса Бэкона не терпят гармонии, они всегда каннибалы, а персонажи поп-артистского шедевра Аллена Джонса «Man Woman», напротив, сами «поглотили» кресло и теперь сидят на воздушной подушке.

«Стул это то, что осталось от человека, когда он на минуточку вышел. Стул все еще хранит тепло, повторяет изгибы и переживания тела, но без человека он ничто», – уверял Ионеско, автор трагифарса «Стулья». Винсент ван Гог оставил потомкам два памятника – кресло Гогена и собственный стул, оба с трубками. Его стул, как видно, сделан из недорогого дерева, на нем лежат трубка и маленький мешочек для табака. Эта скромность контрастирует с искусно сделанным креслом Гогена, со свечой и книгой на сиденье.

of approaching tragedy, unavoidable future turmoil, and unforeseeable consequences of revolutionary political developments.

However it happened in the past that the chair was seriously demoted by artists; its individual character was destroyed and its meaning was depersonalized; as if the chair was stripped off its lawful rights. Repin and Serov depicted Lenin in empty inhabitable offices where armchairs were covered as if they were wearing straight-jackets or sacks before being led to the gallows...

Elena Zolotnitsky's *Chairs*, portrayed in her new body of work called *Extinct Series*, belong to a different tradition. Their symbolic nature is unfolded by her not through their form, composition, assemblage, or cultural significance of particular elements; color is the key instrument of her visual narration. It has a paramount importance!

Elena Zolotnitsky's artistic language is complex. Multilayered-ness dominates in it and it covers both her sophisticated artistic technique and concentrated saturation of meaning. She is drawing on the old masters, most of all on Rembrandt's works, as well as on Malevich's works, especially on those done shortly before his death. By using uniquely expressive combination of colors Elena Zolotnitsky generates super-thick and dense space in which she places chairs; that creates the effect that chairs are immersed into their own existence, live the life of their own, both physically and symbolically. Images of the chairs, or better to say, idols of the furniture created by Zolotnitsky belong not to the visual art, but the art of plasticity, in which abstracted forms, in as much as they are thematized as something tangible, colorful, and presented on canvas as object-like independent entities in space,

Однако случалось, что кресло лишали индивидуальности, обезличивали, понижали в правах. Репин и Серов изображают Ленина в пустых, мертвых кабинетах, где кресла зачехлены, как будто на них накинута смирительные рубашки или мешки перед тем, как повести на виселицу...

«Chairs» Золотницкой – продолжатели иной традиции. Знаковость «кресел» раскрывается живописцем не через форму, композиционное решение, ассамбляж, символику отдельных элементов, для рассказа оклендской художницы главное – цвет!

Сатиново-алая софа Дали говорит о раскрепощении и сексуальной свободе; «Красное кресло» Рика Нильсона – о духовном кризисе, тревожном ожидании, приближающемся конце жизни; полотно Роберта Фалька 1920 года оставляет ощущение наступившей трагедии, будущих потрясений и не предугадываемых последствий революционных событий.

Живописная система Золотницкой усложнена, в ней преобладает многослойность, во многом идущая и от старых мастеров (Рембрандта более всего), и от последних, предсмертных работ Малевича. Кресла погружены в собственное самостоятельное существование, экспрессия цвета образует сгущенное, напряженное пространство.

«Идолы мебели» американской художницы – не изобразительное, а пластическое искусство. Насыщенные или ослабленные цвета аккумулируют вокруг кресел энергию – иногда

constitute the content of art. Saturated or reduced colors accumulate a kind of energy around the chairs – exulting by times and pacifying by times. Zolotnitsky's agitating and enflaming artistic execution captivates and dominates viewers' imagination. There is no story per se. *Chairs become the event in plasticity*. Aiming at certain generalization and at the same time holding on expressive clarity throughout the painting, the painter of *the Extinct Series* manages to reach astonishing harmony between rather sizable masses by transforming them into events of plasticity. Elena Zolotnitsky's artworks create sensation of contemplative serenity implying a thought of profound interconnection between cultural epochs. Zolotnitsky is able effectively to depict "depth" as the unity of space and time as well as the unity of rest and movement of the mass.

Sergei Slepukhin
Ekaterinburg Russia 2018

Slepukhin is the founder and CEO of the the Publishing House «Evdokia»; where he was the editor-in-chief of the prestigious and well regarded literary almanac «White Crow» (2011–2016).

Sergei Slepukhin is the author of studies and critical essays on the works of Thomas Mann, Henry Mann, Bruno Schultz, John Boydell, Wassily Kandinsky, George Gross, Vladimir Mayakovsky, Edward Lear, Andrei Nazarov. He is an active contributor for major literary publications in Russia.

стимулирующую, иногда – умиротворяющую. «Взволнованная» манера письма Золотницкой овладевает зрителем и подчиняет его себе. Здесь нет сюжета как такового.

«Кресло» становится «пластическим событием». Автор «Chairs» стремится к обобщенности, архитектурной ясности и добивается величавой гармонии объёмно-пластических масс. Работы Золотницкой вызывают ощущение созерцательного покоя, рождают мысль о глубинной связи эпох. В них художник убедительно достигает изображения «глубины» как единства пространства и времени, движения и массы.

Сергей Слепухин
Екатеринбург Россия 2018

Слепухин – основатель книжного издательства «Евдокия», где в 2011–2016 г.г. был главным редактором престижного и авторитетного литературного альманаха «Белый ворон».

Сергей Слепухин – автор исследований и критических очерков по творчеству Томаса Манна, Генри Манна, Бруно Шульца, Джона Бойделла, Василия Кандинского, Джорджа Гросса, Владимира Маяковского, Эдварда Лира, Станислава Игнаци Виткевича (Виткация). Является автором многочисленных литературных публикаций в России.

cadmium blues 8x8 inches oil on mylar mounted on panel 2017

becoming 10x14 inches oil on mylar mounted on panel 2017

easy does it 6x6 inches oil on mylar 2018

grounded 16x15 inches oil on mylar mounted on panel 2017

le roi 14x14 inches oil on panel 2017

iridescent 6x6 inches oil on mylar 2017

her 13x15 inches oil on mylar mounted on panel 2018

loveseat for one 9x9 inches oil on mylar 2017

turquoise perfect 18x18 inches oil on mylar mounted on panel 2018

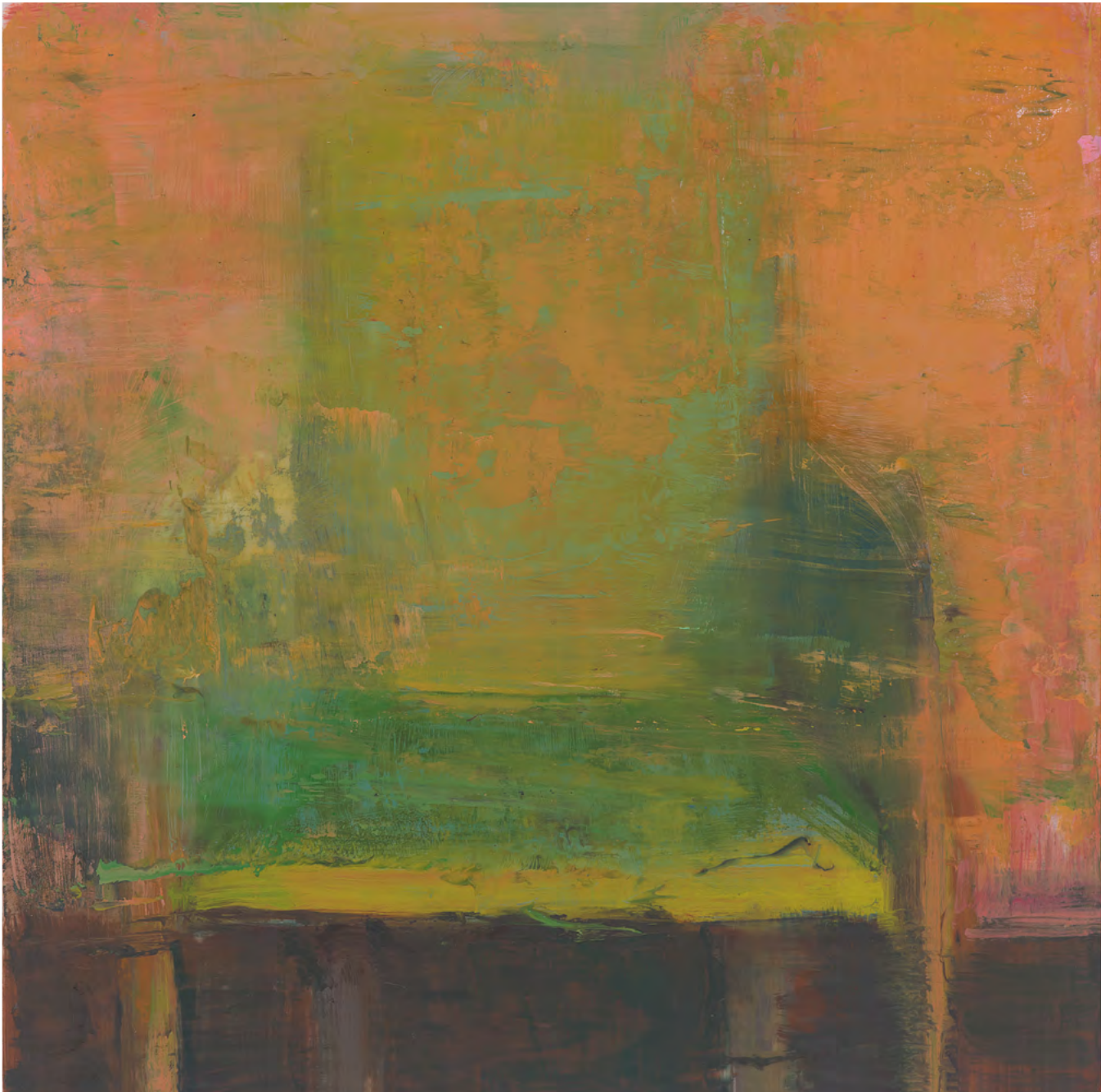
takes two to tango 16x16 inches oil on paper mounted on panel 2017

lancelot 10x10 inches oil on mylar 2017

metamorphosis 6x6 inches oil on mylar 2017

crimson royal 16x16 inches oil & gold leaf on paper mounted on panel 2017

submerged 6x6 inches oil on mylar 2017

metamorphosis II 5.75x6 inches oil on mylar 2017

osmosis 6x6 inches oil on mylar mounted on panel 2017

Saint Petersburg Russia www.premium-press.ru +7 (812) 339-73-00

design **netlenka** © elena zolotnitsky photo credit **russel kiehn** 2018